Научная статья
УДК 82.3(571.1/.5)+316.7
doi: 10.17223/23062061/36/5

КОНЦЕПТЫ «ГОРОД» И «ДЕРЕВНЯ» В СИБИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА: К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА СИБИРИ

Ирина Федоровна Гнусова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, irbor2004@mail.ru*

Аннотация. При помощи концептологического анализа исследуется репрезентация социокультурного пространства города и деревни в произведениях сибирских писателей XIX в. Рассматриваются исторические предпосылки специфического воплощения городского и сельского топонимов в сибирской прозе. Анализируется феномен «города–деревни», а также разница в литературном воплощении понятий «село» и «деревня». Подчеркиваются признаки идеализации народной среды и крестьянской общины в художественных произведениях и публицистике областников.

Ключевые слова: литература Сибири, культурный ландшафт, концепт, город, село, деревня, Н.И. Наумов, И.В. Оммулевский

Благодарности: результаты исследования были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Гнусова И.Ф. Концепты «город» и «деревня» в сибирской литературе XIX века: к проблеме формирования социокультурного ландшафта Сибири // Текст. Книга. Книгоиздание. 2024. № 36. С. 71–93. doi: 10.17223/23062061/36/5

**CONCEPTS “CITY” AND “VILLAGE”
IN SIBERIAN LITERATURE OF THE 19TH CENTURY:
TO THE PROBLEM OF THE FORMATION OF THE
SOCIOCULTURAL LANDSCAPE OF SIBERIA**

Irina F. Gnyusova¹

*¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
irbor2004@mail.ru*

Abstract. Conceptological analysis allows considering the phenomenon of the literary embodiment of urban and rural space as a representative of the sociocultural landscape of Siberia. Siberian material is extremely interesting for the study of the concepts “city” and “village” because of the historical reasons: the formation of sociocultural space here was not the same as in the European territory of Russia. To analyse the representation of the concepts “city” and “village” in Siberian literature, the author used fiction prose and some publicistic essays by G.N. Potanin, N.M. Yadrintsev, N.I. Naumov, I.V. Omulevsky, S.I. Cherepanov, M.V. Zagoskin, D.A. Ponikarovskiy, A.K. Ordynskiy. The recognised artistic level, proximity to the circle of Siberian regionalists and wide regional coverage were criteria of selection. The analysis of the sources showed a very weak representation of the studied concepts. This is especially true for the semantic field of the concept “city”: in the works of Siberian authors one can find only its separate peripheral features. The core semantics of the concept “city” (the presence of something) is actualised in the opposite way: even a minimal description of the city is given by means of a detailed enumeration of what is missing in it. The interpretation of the concept “city” is carried out with the help of irony, hyperbolisation, general satirical pathos, constant opposition of the real and the desired. The opposition of the city to the countryside and nature, traditional for literature, is almost invisible in Siberian literature. On the contrary, cities are almost indistinguishable from the countryside: the phenomenon of “town-village” emerges. The interpretation of the concept “village” in Siberian prose is more traditional compared to the urban topos. The concepts “bourgade” and “village” are considered as peripheral meanings of the same concept. However, there is a significant difference between their representation in Siberian literature: for example, in the external appearance of the bourgade authors usually note signs of prosperity and similarity to the city. The description of the village emphasises the poverty of peasants, their oppression by traders and officials, as well as the lack of culture and social life. The interpretation of the concept “village” in Siberian prose also contains an element of idealisation, traditional for Russian literature. This is especially noticeable in the fiction and journalism of Siberian regionalists, whose ideal was the peasant community, especially the Old Believers. In general, two main tendencies can be distinguished in the representa-

tion of the concepts “city” and “village” in Siberian prose. On the one hand, Siberian writers follow the traditions of “big” Russian literature – first of all, connected with the works of Nikolai Gogol and the natural school. On the other hand, Siberian prose reveals many specific features. This is especially noticeable in the interpretation of the concept “city”, which paradoxically merges with both natural and rural space and is even partially “absorbed” by them.

Keywords: Siberian literature, cultural landscape, concept, city, bourgade, village, N.I. Naumov, I.V. Omulevsky

Acknowledgments: The results of the study were obtained within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Gnyusova, I.F. (2024) Concepts “city” and “village” in Siberian literature of the 19th century: To the problem of the formation of the sociocultural landscape of Siberia. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 36. pp. 71–93. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/36/5

Художественное воплощение пространства города и деревни (или шире – провинции) имеет давнюю историю изучения. Внимание исследователей особенно привлекал так называемый городской текст: достаточно назвать фундаментальные работы Ю.М. Лотмана [1], В.Н. Топорова [2], Н.Е. Меднис [3]. При этом город и деревня очень мало исследовались как концепты¹ и даже не были упомянуты в восьмитомной «Антологии концептов» под редакцией В.И. Карасика и И.А. Стернина [9]. Однако именно концептологический анализ позволяет наиболее полно рассмотреть феномен литературного воплощения городского и деревенского пространства как репрезентанта социокультурного ландшафта Сибири.

Сибирский материал чрезвычайно интересен для исследования концептов «город» и «деревня» в силу исторических причин. Само формирование социокультурного пространства за Уралом происходило не так, как на европейской территории России. Главное отличие подчеркивает в своей монографии Ю.М. Гончаров, указывая, что «первые сибирские города не выросли естественным путем из деревень, а возникали раньше сельских поселений» [10. С. 4]. При этом городами они назывались весьма условно, поскольку, как доказывает в своей статье Д.Я. Резун, «в течение почти всех трех столетий они развивались как колонизационные типы городских поселений» [11]. К середине XIX в. сибирские города,

¹ Можно отметить разве что главу о городе в «Антологии художественных концептов русской литературы XX века» [4]; совсем небольшой раздел «Город-посад (торговый)» в словаре Ю.С. Степанова [5. С. 677–679]; статьи Н.А. Беловой [6], Н.В. Коротковой [7] и лингвистическое исследование Т.А. Бурмистровой [8].

конечно, уже не были пограничными крепостями, однако отголоски этой сравнительно недавней истории все еще ощущались их жителями. Такой пример описывает Н.М. Ядринцев в своем рассказе «Калмычка» (1897), основанном на детских воспоминаниях:

Мы жили в маленьком пограничном городе Сибири, когда-то бывшей крепости. Но полуразрушенная крепость и заржавленная пушка, в которую мы совали тряпки и камни, уверенные, что сколько не заряжай ее, она не выстрелит, напоминала мне впоследствии крепостцу в «Капитанской дочке» Пушкина [12].

Другой особенностью городов и сел Сибири в XIX в. было то, что их статус часто был весьма условным. Это, впрочем, характерно для всей дореволюционной России, в которой, как указывает В.А. Скубневский, «не было законодательно оформленного критерия статуса города», и численность населения не имела в этом вопросе решающего значения. Поэтому «нередко внегородские торгово-промышленные центры превосходили по числу жителей и экономическому развитию официальные города» [13. С. 69], что доказывает и статистика, приведенная исследователем: на 1897 г. из 43 городов Сибири в 14 население не превышало 2 тысяч человек. При этом в 155 населенных пунктах насчитывалось более 2 тысяч жителей в каждом: например, в Новониколаевске всего через четыре года после начала строительства железнодорожного моста через Обь было уже 8,5 тысяч жителей.

Эта ситуация давала жителям возможность самим оценивать, какой населенный пункт мог претендовать на статус города. С горькой иронией подобный пример демонстрирует Н.И. Наумов в своем очерке «Паутина» (1880) – о селе Т...¹, разбогатевшем за счет рабочих расположенного рядом золотоносного прииска:

– Увидел как народ-то, што Терентий... фортуна приманил к себе, повалил сюда на жительство, да теперича из поселка-то вон какое село выровнялось, с иным городом поспорит! <...> Ведь тут одних мангазеев с товарами, сударь, боле двадцати насчитываем! Чем не город?.. А кабаков – и-и-и, Господи, твоя воля!.. Да каждый дом – кабак и блудное место, – вот как по правде-то говорить надоть! [14. С. 191].

Одно отличие между городом и селом, тем не менее, было существенно: помимо административной, торговой и промышленной функций, сибирские города играли важную культурно-просветительскую роль. Как указывал Г.Н. Потанин в своей статье «Города Сибири», в них «исключительно

¹ Тисуль, ныне поселок городского типа, районный центр в Кемеровской области.

сосредоточены все интеллигентные силы этого края» [15. С. 69]. Потанин объясняет это исторически сложившимися факторами:

Земство в европейской России обогатило деревенскую среду интеллигенцией; оно усеяло эту среду учителями, докторами и техниками. В Сибири, вследствие отсутствия земских учреждений, деревня живет без интеллигенции. Поэтому вся умственная и культурная жизнь в Сибири ограничивается городами, в деревнях же сплошная умственная пустота [15. С. 69].

Сельское население при этом составляло подавляющее большинство в Сибири (по данным В.А. Скубневского, 93% в 1863 г. и 92,7% в 1897 [13. С. 190]) и постоянно росло, в том числе в связи с активизацией переселения сюда крестьян после отмены крепостного права. Историческое отсутствие крепостничества и, соответственно, поместного дворянства также отличало сельскую среду за Уралом от деревень европейской части России. Из-за этого в сибирской литературе была невозможна реализация ни одной из художественных моделей провинции, которые выделяет, например, в своей статье Н.В. Короткова: ни «радищевская» («деревня помещичье-крестьянская»), ни «карамзинская» – «деревня идиллически-дворянско-усадебная» [7. С. 23]. Скорее, как будет показано далее, в изображении сибирского села (как и города) преобладают гоголевские традиции, в своем классическом варианте характерные для реализации концепта «провинциальный/уездный город»¹.

Для анализа репрезентации концептов «город» и «деревня» в сибирской литературе были использованы художественная проза и отдельные публицистические очерки Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, Н.И. Наумова, И.В. Омурлевского, С.И. Черепанова, М.В. Загоскина, Д.А. Поникаровского, А.К. Ордынского. Критерии отбора совпадали с теми, что были выработаны в нашем предыдущем концептологическом исследовании сибирской литературы [16], – признанный художественный уровень, близость к кругу областников, широкий региональный охват.

Анализ источников сразу показал очень слабую представленность исследуемых концептов. Особенно это касается семантического поля концепта «город»: в произведениях авторов-сибиряков можно обнаружить лишь его отдельные периферийные черты. С одной стороны, это может объясняться общелитературной тенденцией: Н.Е. Меднис указывает на то, что очень немногие провинциальные города России «образуют свои литературные сверткесты» [3] – она приводит в пример разве что «Пермский текст», которому посвящено исследование В.В. Абашева [17]. Сибирская литература XIX в. полностью подтверждает это: ни один автор

¹ Об этом пишет в своей статье Н.А. Белова: [6. С. 90].

не сделал какой-либо известный город на территории Зауралья предметом изображения или хотя бы местом действия (только в начале XX в. В.В. Курицын изменит положение, опубликовав под псевдонимом Некрестовский свой авантюрный роман «Томские трущобы»).

С другой стороны, создается впечатление, будто сибирские писатели сознательно избегают описания городов в своих произведениях. Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев пишут роман «Тайжане» о жизни на прииске, народные рассказы Н.И. Наумова почти всегда посвящены сельской глубинке, а действие произведений И.В. Оммулевского чаще всего происходит на почтовых станциях. В романе «Шаг за шагом» писатель, впрочем, делает родиной героя некий Ушаковский, «один из лучших губернских городов Восточной Сибири» [18], но в этом он скорее тоже следует за «большой» литературой, где при описании провинции местом действия становились вымышленные города (Миргород Гоголя, Скотопригоньевск Достоевского)¹.

Обратившись к словарю В.И. Даля, мы можем обнаружить несколько основных значений слова «город» в XIX в. К исследуемому концепту имеют отношение два из них: «крепость, крепостца, укрепленное стенами место внутри селения, кремль» и «населенное место, признанное за город, городом, которому правительство дало городское управление» [20. Т. 4. С. 337]. Интересно, что слово «город» могло употребляться и метафорически – «в значении всего общества или всех обывателей города» [20. Т. 4. С. 337].

Ядром концепта, безусловно, следует признать значение «населенное место, признанное за город» правительством. В определении Даля очевидна семантика наличия чего-либо, выделяющего город как населенный пункт: ему «дано городское управление». Это же присутствие, наличие определенных функций и соответствующих учреждений, отличающих город от села, мы найдем и в любой современной словарной статье: «Крупный населённый пункт, административный, промышленный, торговый и культурный центр района, области, округа и т.п.» [21].

Однако в прозе сибирских писателей эта ядерная семантика концепта «город» актуализирована противоположным образом: хоть какое-то ми-

¹ Впрочем, биографы Оммулевского любят подчеркивать, что Ушаковский – вовсе не обобщенный образ: за этим вымышленным топонимом скрывается родной город писателя: «Бунт рабочих, который описывается в романе, происходит на Ельцинской фабрике. Река Ушаковка пересекает Иркутск и впадает в Ангару. Известно, что недалеко от Ушаковки стоял дом, где жил Оммулевский. Отсюда достоверно, что Ушаковский – Иркутск, Ельцинская фабрика – Тельминская фабрика, одна из старейших в Иркутской губернии» [19].

нимальное описание города здесь дается при помощи подробного перечисления того, что в нем отсутствует. Ярким примером является неоконченная повесть И.В. Омулевского «Софья Бессонова» (1883). Герой повести, молодой выпускник Петербургского университета, совершенно произвольно выбирает некий губернский город Н. для прохождения службы. На Сибирь как место его расположения косвенно указывает тот факт, что герой три недели дожидается ответа на свой запрос и полагает, что ответ пришел очень скоро; а также упоминание о том, что «до климатических условий ему пока еще не было никакого дела» [22]. Однако по приезду в город Н. герой обнаруживает, что начальство пока не может подыскать ему никакой работы, а вице-губернатор откровенно жалеет о решении молодого человека променять Петербург на провинцию. Все, что ожидает его здесь, по мнению чиновника, – тоска и безделье:

– Право, иногда на меня находит здесь такая тоска, что не знаешь, куда деваться, хотя дела полны руки... Если вы не привезли с собой книг, так вам на первое время, пока вы не догадались их выписать, придется в свободные минуты для собственного развлечения или бить мух или слушать разные городские сплетни: библиотеки здесь нет, книжного магазина – тоже, а о возможности маскарадов в городском обществе здешняя публика еще не догадывается; на вашу долю остается... музыкальные вечера с танцами в дворянском собрании по вторникам, да самый плохонький оркестр в губернском саду по воскресеньям. Заметьте к этому еще, что здесь не танцуют, а спят, разумеется, с открытыми глазами – из приличия не гуляют в саду для собственного удовольствия, а чинно и бестолково прохаживаются совершенно, как по обязанности, вроде часового на гауптвахтах... [22].

В этой печальной картине, написанной в традициях натуральной школы, очевидно, акцентируется не только физическое отсутствие культурных учреждений, необходимых для города, но и духовная пустота местного общества. Об этом же пишет и А.К. Ордынский в своей юмористической «сибирской легенде» «Привидение на заимке» (1862), опубликованной под псевдонимом «Язон Аргонавтов»: в самом начале повествования он указывает на то, что «жизнь и судьба многих в нашем городе походят на судьбу улиток водных» [23]. Хотя рассказ посвящен интрижке молодой замужней женщины с губернским секретарем и трагикомической попытке ее разоблачения, Ордынский делает акцент на том, что героиней движут не столько чувства, сколько расчетливость. А потому пространственный авторский пассаж об исключительной нравственности обитателей сибирского городка звучит не только как ирония: Ордынский констатирует, что в городе нет подлинной жизни, и материальные интересы здесь не допускают искреннего чувства:

Нужно вам знать, что наш город – единственный в своем роде. Вы не услышите здесь никаких скандальных историй. Ловеласов, Дон Жуанов, Армид и Кларисс здесь от века не бывало. Нравственность наших чиновниц, купчих и гражданок вошла далее в поговорку. У нас нет ни любви, ни интриг, ни бегства из дома родительского, ни препятствий неодолимых к супружеству. У нас вечера проходят не только без любезностей, но даже и без танцев. Нежных чувств и рокового влечения между обоими полами, по самым вернейшим справкам, не оказывается. <...> Причиною такой удивительной апатии есть нечто иное, как то, что мужчины, вероятно, не стоят быть любимыми искренно и сильно, а женщины не позволяют до себя дотрагиваться мужчинам не потому, чтобы они боялись вспыхнуть от этого прикосновения, но потому... что от него могли бы измяться оборки их воротничков, или даже просто... чересчур накрахмаленные юбки [23].

В другом своем рассказе «Борода и кринолин» (1862), напечатанном под псевдонимом «Аполлон Приканский»¹, Ордынский упоминает об апатии горожан уже в социально-критическом контексте. Повествование начинается с того, что рассказчик, сидя у окна своего городского дома, созерцает непроходимую грязь, которую он также называет «болотом» или «зыбунном» (очевидный аналог «удивительной лужи» из гоголевской «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»). Это «болото», как выясняется далее, – единственная достопримечательность города, в котором все остальное только проектируется новым городничим. Вот только «окультуривание» оказывается совсем не первостепенной нуждой обывателей, изнемогающих от бытовых трудностей, – здесь ирония автора направлена уже на городскую власть:

В богоспасаемом нашем граде уже разнеслись слухи, что новый городничий взялся устроить благородное собрание, воскресную школу, завести городскую библиотеку, учредить театр, литературные вечера и живые картины. Дай Бог, что бы все это осуществилось, за исключением живых картин, до которых я, – природный сибиряк и старовер, – не слишком большой охотник. Видно, что новый городничий – человек с высшим взглядом, поборник современного движения. Вот этаких-то отцов благодетелей и надо нам! Авось его высокоблагородие хоть мельком бросит «взгляд» на эту грязь, которую я ежедневно люблю и которую все проходящие зачерпывают в калоши. Авось он подвинет сонные умы и апатические руки здешних обывателей к уничтожению этой заповедной грязи несколькими возами гальки, щепок или просто даже мусору [25].

Очевидно, что интерпретация концепта «город» происходит в приведенных отрывках с помощью схожих художественных средств – иронии, гиперболизации, общего сатирического пафоса, а главное – постоянного

¹ Принадлежность этого рассказа А.К. Ордынскому была установлена А.В. Смольяниновым [24. С. 57].

противопоставления реального и желаемого, наличия и отсутствия. При последовательном чтении этих характеристик сибирского города можно обнаружить и своеобразную градацию: мысль об отсутствии в них хоть какой-либо общественной культуры становится всё более резкой и категоричной: «не танцуют, а спят»; «не только без любезностей, но даже без танцев»; наконец, нет уже ни танцев, ни «благородного собрания», а есть только одно «болото».

Однако если в художественной прозе бездуховность и «вялая жизнь» [15. С. 90] (по выражению Г.Н. Потанина) сибирских городов показаны путем сатирической актуализации того, чего в них нет, то авторы публицистических статей выражались куда более прямолинейно. Примером может служить описание уездного города Мариинска в корреспонденциях Д.А. Поникаровского, который более известен своим творчеством барнаульского периода. В первых же строках одной из статей 1885 г. Поникаровский прямо заявляет: «Город наш очень мал, но замечателен воровством и разными мошенничествами» [26. С. 260]. В другой публикации писатель дает более развернутую характеристику Мариинска: «Город наполнен нищими и разным сбродом: это пролетарии, слывающие здесь под именем жиганов; такие несчастные лишены крова, пищи и одежды, хотя они могут работать; контингент их состоит из ссыльных дворян, чиновников, офицеров и других разночинцев, не умеющих или не знающих как пристроить себя в нашем маленьком городке» [26. С. 258].

Здесь же автор описывает и то, как протекает досуг остальных, вполне благопристойных жителей Мариинска: «Как только... наступили длинные зимние вечера... наше так называемое образованное общество занялось игрой в карты: играют женщины и мужчины, играют молодые и старые; играют в карты во все возможные игры с вечера до утра; играют со страстью, с увлечением, с забвением своих обязанностей как членов общества, так и матерей семейств» [26. С. 258]. Вполне очевидно, что никаких культурных учреждений в городе нет.

Авторы статьи «Город» в «Антологии художественных концептов русской литературы XX века» подчеркивают, что этот концепт всегда существует в определенной системе оппозиций, антиномий: он «вбирает в себя идеалы и антиидеалы, трактуется в отношениях с душой конкретного индивида и с социальной действительностью в целом» [4]. Также город обычно находится в оппозиции к деревне и природе. Однако в сибирской прозе идеалом, противопоставляемым «сонному» облику провинциального города, становится исключительно столица, Петербург («Я никогда не мог быть равнодушным к Петербургу и никогда не при-

выкну к провинции, хоть и семейный человек», – подчеркивает вице-губернатор в повести Омулевского). Оппозиция же деревне и природе почти не заметна. Напротив, города в произведениях сибирских писателей оказываются почти неотличимы от сельской местности – здесь семантические поля этих концептов неожиданно пересекаются.

Такой феномен города-деревни отчетливо виден в повести С.И. Черепанова «Сибирячка» (1855), герой которого, молодой подполковник Дутиков, едет в Кяхту с целью «жениться на богачке» [27]. Удачно встретив по пути местного купца, герой спрашивает его о приграничном городке и получает характерный ответ:

- Скажите, большой это город?
- Деревушка-с.
- Как?
- Так-с, маленькая, – домов тридцать.¹
- Только?
- Только-с [27].

Городской пейзаж, который открывается Дутикову наутро после приезда в Кяхту, снова содержит авторскую иронию по поводу ее формального статуса: «Между тем уже рассвет начал озарять небольшую группу деревянных домов, величающуюся городом, на основании пословицы – на безрыбье и рак рыба» [27]. То, что Кяхта гораздо ближе к селу, выдает и описание местности, в которой человеческие жилища совершенно теряются на фоне величественной природы: «Окруженное гольми песчаными горами, оно [место, где стоит город] ничто иное как песчаная насыпь, по которой едва струятся два ручейка; один из них носит название Кяхты, а другой... Грязнухи, тогда как по обе стороны этого места текут две прекрасные реки – Чикой и Селенга, с обширными, лежащими по берегам их равнинами; также не далеки несколько меньшие реки Джиды и Киран» [27].

Аналогичный фокус на сельском и природном ландшафте в описании города присутствует и в «Софье Бессоновой» Омулевского. Герой повести, скучающий в гостинице после неприятных откровений вице-губернатора, решает прогуляться и почти сразу – пройдя два-три переулка – оказывается у реки. Открывшийся ему вид на окраину является единственным описанием губернского города Н. в повести, и этот пейзаж почти не имеет урбанистических черт:

¹ То, что приграничная Кяхта чрезвычайно мала, но герой обоснованно рассчитывал найти там богатую невесту, подтверждает Г.Н. Потанин в статье «Города Сибири»: «Кяхта состоит из десяти-пятнадцати домохозяев; каждый из них почти миллионер; это комиссионеры по чайной торговле» [15. С. 91].

По ту сторону реки тянулись в один ряд однообразные деревянные домики деревенской постройки, за ними, несколько в гору, пестрели огороды, а еще выше зеленелся мелкий березовый лес; немного правее, там, где оканчивался ряд домиков... (река) круто поворачивала за гору... и потом за этой самой горой пропадала из виду [22].

Таким образом, если в классическом литературном описании город, «спроектированный по определенным законам, построенный по выверенным чертежам, своей четкостью, размеренностью и планировкой противопоставляется непредсказуемой природе» [28. С. 127], то в сибирской прозе искусственное пространство города нераздельно с естественным, природным началом, которое даже преобладает в его облике. Это особенно заметно при описании городов-крепостей, сохраняющих остатки исторического пейзажа и тем самым актуализирующих первое значение города по словарю В.И. Даля: «крепость, крепостца, укрепленное стенами место». Такова, например, «высокая крепостная стена, сложенная из дикого камня», окружающая уездный город К.¹ в неоконченном рассказе Н.И. Наумова «Святотатец»²: «Когда-то грозный оплот, охранявший от набегов кочующих инородцев возникший в старину городок, или острог, как говорится в летописях, – крепость эта, построенная при царе Михаиле Федоровиче, представляла собой жалкие развалины» [29. Т. 3. С. 378]. Сливаясь в сумерках с окружающим ее пейзажем, древняя стена словно сама становится частью природы: она стоит на «крутой, извилистой горе», у подножия которой, «в широкой долине, защищенной со всех сторон горами, лежал городок»³ [29. Т. 3. С. 378].

Столь же органичной частью природы становится к XIX в. и упомянутая «полуразрушенная крепость» в рассказе Н.М. Ядринцева «Калмычка»:

Здесь... было все патриархально, и давно мирная крапива обвила и застлала воинственные бастионы. Трубил здесь старый горнист только «на кашу», и барабан скорее укладывал спать, отбивая свою зарю каждый вечер, чем звал на бой «воина». Самые воины, бродившие здесь, были в выпитых

¹ Кузнецк, ныне Новокузнецк.

² Точная дата создания неизвестна, поскольку при жизни писателя рассказ не был опубликован. Вероятнее всего, он был создан Н.И. Наумовым в последние годы (писатель умер в 1901 г.) (см.: [29. Т. 3. С. 399]).

³ Характерно, что после этой лирической преамбулы Наумов начинает характеристику самого города с того же приема «констатации отсутствия»: «В Сибири до настоящего времени в уездных городах не существует гостиниц, в которых мог бы останавливаться приезжий, в них нет даже сколько-нибудь сносных постоялых дворов...» [29. Т. 3. С. 378].

сюртуках нараспашку, без нашивок и погонов, какие-то отставные и заштатные. К городу не подступал неприятель, но его посещали дикие сыны окружающих степей, калмыки и киргизы, пригоняя баранов, приезжая на длинношеих верблюдах за покупками, и привозили разные продукты. От этого город в моих воспоминаниях носит полуазиатский характер [12].

Однако мирная картина детских воспоминаний повествователя уже не скрывает того, какое оскудение пришло на место героическому прошлому военных форпостов. Дробь барабана парадоксально «укладывает спать» (еще одна отсылка к расхожей в сибирской прозе метафоре жизни-сна), а «воины», скорее напоминающие по виду городских пьяниц, не маршируют, а «бродят» по бастионам. Город-крепость превращается в восточный базар: бараны и верблюды в его описании становятся экзотическим эквивалентом тех свиней, гусей и петухов в присутственных местах, которые, по В.Ш. Кривоносу, являются одной из ярких характеристик гоголевского уездного города. В своей монографии исследователь указывает, что благодаря образам животных «значение “дикости” приобретают и уездные локусы» [30. С. 208].

Эта аллюзия перекликается и с дальнейшими событиями рассказа, где купленную у собственных родителей девочку-калмычку держат в богатом чиновничьем доме за «рабу», а потом насильно выдают за старого запойного кучера. Дикость и жестокость, таким образом, оказываются чертами вовсе не «сынов степей», а образованного русского семейства.

Интерпретация концепта «деревня» в сибирской прозе оказывается гораздо более традиционной по сравнению с городским топосом, представленным преимущественно периферийными значениями. Отметим, что и в словаре Даля не обнаруживается никаких дополнительных определений: село – «обстроенное и заселенное крестьянами место, в коем есть церковь» [20. Т. 4. С. 156]; деревня – «крестьянское селенье, в котором нет церкви» [20. Т. 1. С. 382]. Мы склонны рассматривать два эти понятия как периферийные смыслы одного и того же концепта. Однако между их репрезентацией в сибирской литературе есть существенная разница: так, во внешнем облике села авторы обычно отмечают признаки благополучия и сходство с городом (здесь продолжает проявляться феномен города-села). А в описании деревни больше делается акцент на бедности крестьян, их притеснении торгашами и чиновниками, а также отсутствии культуры и общественной жизни – в этом обнаруживается сходство с репрезентацией города.

Наиболее ярким примером изображения зажиточного села является уже упомянутый очерк Н.И. Наумова «Паутина». Его уникальность, которая и становится главной темой объемного произведения, уже при

въезде бросается в глаза рассказчику. Заметно, что, в отличие от городов, деревенское пространство описывается в сибирской прозе подробно и основательно:

Посередине села стояла высокая каменная церковь, и купол её, обшитый белой жостью, ярко горел теперь от солнечных лучей. Спустившись с холма, мы въехали в широкую прямую улицу, обнесенную по обеим сторонам низенькими, иногда покосившимися и вросшими в землю избушками, среди которых то по одну, то по другую сторону улицы неожиданно вырастал перед глазами высокий одноэтажный или в два этажа дом, с балконами, покоившимися на затейливо выточенных колоннах, с резными, ярко раскрашенными ставнями и плотными деревянными заборами [14. С. 173].

Чуть позже, передавая свое впечатление местному торговцу, рассказчик признает, что «село по большинству своих зданий скорее походит на город», добавляя: «В первом еще селе я встретил такое обилие лавок» [14. С. 174]. Таким образом, выделяется два признака, маркирующих отличие городского пространства от сельского: двухэтажные дома с балконами и активная торговля. Именно такое, схожее до мелочей описание зажиточного села Завидова¹ дает в неоконченном романе «Попытка не шутка» (1873) И.В. Омуревский:

Чем дальше следовал тарантас, тем чаще плетеные заборчики стали уступать место настоящим тесовым заборам; начали появляться уже дома городской постройки, в два этажа, непременно с балкончиком наверху, а внизу изредка встречались скромные приюты сельской торговли; промелькнул наконец и веселенький деревенский трактир с какой-то замысловатой аллегорией, неумело намалеванной на покосившейся вывеске [31].

Совсем другую картину рисуют писатели при изображении деревень. Здесь в семантическое поле концепта регулярно включаются такие эпитеты, как убогий, ничтожный, жалкий, глухой, тоскливый, унылый, безжизненный. Репрезентативными в этом отношении являются два рассказа, опубликованные с разницей в четыре года: «Блудный сын» Г.Н. Потанина (1878) и «Фургонщик» Н.И. Наумова (1882). Сюжет обоих произведений связан с поездкой городского жителя в отдаленную деревню – правда, герой Потанина отправляется туда добровольно, с целью увидеть родные места, а автобиографический рассказчик Наумова оказывается в деревенской глуши по делам службы: он едет расследовать убийство. Однако оба героя имеют вполне реалистичное представление о том,

¹ Вымышленный топоним, как и Медведевский уезд, в котором село расположено.

что их ожидает: «блудный сын» Потанина помнит, что его родная деревня – «незначительное и незамечательное захоlustье» [32], а чиновник Наумова скрепя сердце отправляется по осенней распутице в «глухую деревнюшку» [29. Т. 3. С. 3].

Удаленность и труднодоступность деревень – еще один общий репрезентант концепта: герой Потанина почти уподобляется паломнику, отправляясь на родину пешком, и в итоге «не один месяц прошел прежде» [32], чем он достигает деревни Кислое Озеро. Путь чиновника в рассказе Наумова гораздо более реалистичен, но не менее труден: «...Пришлось... ехать почти безостановочно двести верст по таким путям, воспоминание о которых и теперь еще нередко вызывает во мне дрожь» [29. Т. 3. С. 3].

В рассказе Потанина большое место уделено мечтаниям и воспоминаниям героя в пути, и именно на фоне этих идиллических представлений вид родной деревни оказывается полной неожиданностью для него: «Эта груда ничтожных домишек с дерновыми крышами поразила меня, издали уже заметно, что ждет внутри улиц; с защемленным сердцем вхожу в улицу – домишки низкие, поражают убожеством» [32]. Для героя Наумова посещение подобных отдаленных уголков – привычное дело, но его ужасает другое: он не знает, как скоро сможет выбраться оттуда из-за погодных условий: «В глухой деревнюшке, имевшей не более пятнадцати дворов и заселенной наполовину инородцами, я должен был выжить более недели, не имея ни чаю, ни сахару, ни табаку, а главное – писчей бумаги, запас которой уже истощился у меня, вследствие чего остановилось и производство следствия; послать же за бумагой в ближайшую волость нарочного было невозможно, так как реки сплошь были покрыты массами льда, а наступившая оттепель не обещала скорого рекостава» [29. Т. 3. С. 3].

Героя Потанина угнетает то, что односельчане не помнят его, а родной дом, овеянный детскими воспоминаниями, превращен в грязную контору; рассказчик Наумова страдает от вынужденного безделья – однако их пребывание в глухой деревне вызывает схожие чувства: огорчение, горечь, тоску, скуку, уныние, боль. Впрочем, «Блудный сын» больше пронизан сентиментальным пафосом: в финале герой плачет, не найдя на старом кладбище могилы матери, и рассказ заканчивается патетически: «Тупая боль все более сжимала мое сердце. Я чувствовал, что я стою над трупом моего детства...» [32].

Чиновник в «Фургонщике» далек от таких возвышенных чувств: его тяготит только вынужденная остановка на пути домой. Деревня поздней осенью предстает в описании Наумова как минус-пространство, откуда ушла какая-либо жизнь, где отсутствует всякое движение. Как и герой

Потанина с его былинным путем на родину, здесь рассказчик будто превращается в фольклорного персонажа, месяцами ожидающего у окна какой-либо перемены:

...Я сидел в отведенной мне избе у окошка, тоскливо поглядывая на поля, засыпанные снегом, и на чахлый обнаженный кустарник, тянувшийся неправильными линиями в даль, подернутую густо синевую наступивших сумерек; в воздухе порошил снежок, лениво волнуясь и падая на землю; в деревеньке все было тихо, точно в ней замерла всякая жизнь, и только однообразное карканье вороны, сидевшей где-нибудь на плетне и собиравшейся лететь на ночлег, нарушало навевавшую уныние тишину... [29. Т. 3. С. 3].

Этот унылый пейзаж свидетельствует и еще об одной традиционной особенности репрезентации концепта «деревня»: его тесной связи с природой и с календарным циклом. В изображении города время года не слишком заметно – но для деревенского топоса оно принципиально. Поэтому если на городского чиновника безжизненность деревни поздней осенью действует угнетающе, то для крестьян это естественное время отдыха от полевых работ.

А вот зима оказывается опасна и для сельских жителей: так, М.В. Загоскин в своем рассказе «Яблоня и яблочко» упоминает, что в это время расчетливый главный герой охотно давал односельчанам денег взаймы под будущие работы – а «мужики, у которых в большинстве доставало хлеба только до Рождества и не было денег на выпивки, сами лезли в петлю» [33]. Оттого так радостно наступление весны, дающей надежду на новый урожай. Это всеобщее весеннее ликование, в котором сливаются человек и природа, изображает Д.А. Поникаровский в рассказе «Сибирская Калифорния» (1882). Впрочем, акцент писатель здесь делает еще и на той «умственной пустоте», о которой упоминал в своей статье Г.Н. Потанин:

В 187* году, в южной части –ской губернии весна наступила так рано, что к Николину дню луга покрылись травой и из распустившегося, одетого пышной зеленью леса, несся аромат цветущей черемухи. Вернувшиеся ласточки весело защебетали, купаясь в яркой, безоблачной синеве неба, парни и девушки высыпали на улицу в летних костюмах, с гармониями, балалайками и песнями. Нигде не ждут весны с таким нетерпением, как в глухой провинции, и нигде так весело не приветствуют ее появление, как там, в этих забытых Богом и людьми уголках, где каждый поневоле живет исключительно своей внутренней жизнью, по недостатку живых, общественных интересов [26. С. 156].

Не во всех деревнях, однако, сезонность имеет одинаковый характер: в рассказе Наумова «Паутина», например, показано, что в селе, отказав-

шемся от сельскохозяйственных забот ради «оплетения» приисковых рабочих, действует свой собственный календарный цикл. Летом село поражает рассказчика парадоксальной «пустынностью и безжизненностью» [14. С. 186], а в середине осени, когда рабочие возвращаются с прииска, народ толпится на улицах днем и ночью: «всюду было заметно оживление: окна домов были ярко освещены, по улицам сновал народ, слышались говор, песни, ругань» [14. С. 199].

Деревня вписана не только в природное время, но и в природное пространство: большинство сибирских авторов любят гармоничность расположения поселений на склонах холмов или берегах рек. Если в реализации концепта «город» активное включение природного пространства кажется аномалией, то для деревни оно становится показателем нормы, проявлением естественного миропорядка. Так, например, в рассказе «Горная идиллия» (1880) описывает Наумов алтайскую деревню, населенную теленгутами¹:

Красивее местности, окружающей О...ий улус, мне редко доводилось встречать... Улус, имеющий до семидесяти дворов, раскинулся в живописном беспорядке на высокой горе, заросшей лесом, и по уступам ее. Со всех сторон его окружают гряды гор, постепенно возвышающихся одна над другой, поросших густым черным лесом, и самые дальние из этих гряд, или, вернее, волн застывшего каменного моря, всегда почти покрыты синеватою дымкой. За последнею синеею чертою этих гор в лазурном безоблачном небе уже резко вычерчиваются снеговые вершины Алтая. <...> [14. С. 383].

...Предо мною раскинулась широкая поляна, тянувшаяся по всему протяжению горы, застроенная чистенькими одноэтажными домиками в два и три окна, обнесенными досчатыми заборами и хозяйственными пристройками. Это и был О...ский улус... не отличавшийся своим наружным видом от русской деревни [14. С. 385].

Однако эта природная гармония, эстетическое совершенство часто скрывает страшные социальные уродства. В «Горной идиллии», например, рассказчик узнает, что и приезжающие чиновники, и купцы, и даже окрестные русские крестьяне – все разоряют и спаивают инородцев, нередко доводя деревню до массового голода. На схожем контрасте построен и другой известный рассказ Наумова «Деревенский торгаш» (1872). Хотя в нем почти нет природных пейзажей, писатель также изображает гармоничную картину народного единения в преддверии храмового праздника Спаса, радостную атмосферу приготовлений к светлому дню, в которую вовлечены все без исключения:

¹ Тюркская этническая группа, один из коренных народов России.

Задолго еще до рассвета и в богатых домах, и в бедных избах обитателей села Локти проснулась в этот день жизнь, но не обыденная с ее незатейливыми требованиями, а полная предпраздничных приготовлений и хлопот. Везде мыли и выскабливали полы, лавки и подоконья, подбеливали печи и стены. Из труб клубами валил дым, разнося по селу жирный запах варившихся щей или приготовляемого студня. То на том, то на другом дворе раздавался жалобный предсмертный крик закальваемого поросенка или курицы или тревожное га-а-га-а-га избежавшего поимки гуся. Около изб на шестах, продернутых между плетней и заборов, проветривались нарядные платья и шушуну, вынимаемые из кованых сундуков только в годовые праздники.

Пологий берег речки, протекавшей за селом, тихий и пустынный в другие дни, ожил от кипевшей на нем деятельности; ярко сияли медные самовары, иконы и кресты, вычищенные для праздника квасною гущей с песком; говор и смех чистивших их женщин и девушек... визг и плескание детей, бродивших в воде с засученными на груди рубахами... [14. С. 29–30].

Основной же сюжет рассказа связан с деятельностью одного из самых ярких образов «мироедов» в творчестве Наумова – торгаша по прозвищу Пегля, обирающего крестьян и наживающегося на их нужде. Социальная проблематика вообще неотделима от изображения деревни – ее можно считать ядерной в репрезентации этого концепта не только в сибирской, но и во всей русской литературе. В произведениях Наумова она представлена особенно ярко: почти каждый его рассказ обнажает какую-либо грань социальной несправедливости в жизни простого народа.

Однако несмотря на это, в интерпретации концепта «деревня» в сибирской прозе содержится и традиционный элемент идеализации. Н.А. Белова отмечает, что эта тенденция существовала в русской литературе XIX в. наряду с изображением провинции как воплощением «дикости и абсурда бытия»: провинциальное символизировало еще и «естественное, природное начало, противопоставленное испорченности, искусственности столичной жизни» [6. С. 90].

В сибирской прозе, где нет столь отчетливой оппозиции городского и деревенского топосов, эта тенденция проявляется лишь в малой степени. Так, И.В. Оммулевский в своих неоконченных «Рассказах в осенние вечера» (1883) указывает на недоверие деревенских жителей к городу, который ассоциируется у них исключительно с безнравственностью. В центре рассказа – обаятельный молодой ямщик Андроха Мальшев, который отправляется в город на заработки, чтобы скопить денег на собственную тройку. Там он «вел себя все время безукоризненно... отказываясь упорно от всяких городских соблазнов» [34]. А когда через три года он возвращается в родную деревню, «обыватели сперва было несколько косо и недоверчиво взглянули на своего... любимца: не попортил ли, мол, его город?» [34].

Наиболее же яркий пример идеализации самой деревни встречается в очерке Г.Н. Потанина «Из переписки молодых друзей» (1886). В нем он рассказывает о встрече с неким приказчиком, поведавшим о своей трудной, но увлекательной жизни: он работал на золотых приисках, на пароходе, ходил с обозами. Судьба этого человека вдохновляет рассказчика, который ранее жаловался, что, вернувшись в Сибирь после университета, не знает, как применить свои способности. Финал рассказа наполнен областническим пафосом «дела», необходимости не сидеть сложа руки, а по-настоящему трудиться на благо родного края. И идеалом для героя предстают теперь люди из народа, противопоставляемые нерешительным, слабохарактерным горожанам:

Сравни этих людей теперь с теми, с кем мы привыкли встречаться в нашем обществе. Не правда ли, какой контраст они представляют с ними, с людьми изнеженными, искателями насиженных казенных мест? Признаться сказать, эти простакки произвели на меня впечатление гигантов сравнительно с нами. Понятно, когда я воротился в город, мне всё показалось мелким, жалким, вздорным. Мне захотелось пожить жизнью трудящегося, обыкновенного человека, побывать и в деревне, и в тайге, испытать, проникнуть жизнь во всех ее направлениях... Я мечтаю пожить среди массы населения и походить хотя пешком по деревням; мне кажется, даже бодрее, свежее почувствуешь себя среди этого населения, чем среди наших городов [32].

Это любование народной жизнью продолжается и в публицистических работах областников. Особенно восхищались они укладом старообрядческих общин: в публицистических статьях Н.М. Ядринцева, например, их жители называются «трудолюбивейшим населением» [35. С. 99], «могучим и бесстрашным населением, исполненным сознания силы и своего достоинства» [36. С. 29]. Эту откровенную идеализацию К.В. Анисимов объясняет тем, что «замкнутые, обладающие невиданной для регулярного русского государства самостоятельностью поселения староверов были близки к утопическому идеалу самих сибирских “патриотов”» [37. С. 233].

Таким образом, в репрезентации концептов «город» и «деревня» в сибирской прозе можно выделить две основные тенденции. С одной стороны, при описании городского и сельского пространства сибирские писатели во многом следуют традициям «большой» русской литературы, прежде всего связанной с творчеством Н.В. Гоголя и натуральной школой. Это проявляется и в сатирическом изображении порядков в провинциальном городе, и в преобладающем социально-критическом пафосе сюжетов, связанных с жизнью деревни. Идеализация простых людей и призыв Г.Н. Потанина «походить пешком по деревням» также отчасти берет начало в идеологии народничества.

С другой стороны, в сибирской прозе обнаруживается и немало специфических черт в изображении социокультурного пространства. Это особенно заметно в интерпретации концепта «город», который будто бы не имеет ярко выраженных характеристик. Почти все писатели используют своеобразный минус-прием, актуализируя в первую очередь то, чего нет в сибирских городах. Традиционно противопоставленный деревенскому и природному пространству город в сибирской прозе парадоксально сливается и с тем, и с другим и даже отчасти «поглощается» ими. Возникает феномен города-деревни: административные центры оказываются «деревушками» в тридцать домов, а в крупных торговых селах день и ночь кипит жизнь.

Топос деревни в произведениях сибирских писателей в значительной степени амбивалентен. Это связано с наличием в смысловом поле концепта сразу двух понятий – села и деревни: если первое связано с семантикой достатка, зажиточности, развития, то второе чаще всего актуализирует образ «забытого Богом угла» и связано с обнищанием, скукой, тоской. Но одновременно в сибирской прозе заметен акцент на гармоничной связи деревенской и природной жизни. Величественные пейзажи, любование писателей мощью и красотой сибирской природы становится своеобразным идеалом, положительной доминантой в изображении трудной и скудной народной жизни в сибирской литературе.

Список источников

1. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 2. Таллин, 1992. С. 9–21.
2. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб., 2003. 616 с.
3. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003. 170 с. URL: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=8> (дата обращения: 21.08.2024).
4. Антология художественных концептов русской литературы XX века / Т.И. Васильева, Н.Л. Карпичева, В.В. Цуркан. М., 2019. 356 с. URL: <https://lit.wikireading.ru/hysSQubH1P> (дата обращения: 21.08.2024).
5. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 2004. 992 с.
6. Белова Н.А. Концепт «город» в современном литературоведении // Вестник Югорского государственного университета. 2012. Вып. 1 (24). С. 87–91.
7. Короткова Н.В. Оформление двух моделей концепта «Провинция» в русской литературе XVIII века (на материале прозы А. Н. Радищева и Н. М. Карамзина) // Мир русского слова. 2009. № 4. С. 22–32.
8. Бурмистрова Т.А. Лексическая оппозиция «город–деревня»: лексикографический аспект // Мир русского слова. 2013. № 4. С. 37–40.
9. Антология концептов : в 8 т. / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград, 2005.
10. Гончаров Ю.М. Повседневная жизнь горожан Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2012. 214 с.

11. Резун Д.Я. Сибирский город XVII – первой половины XIX века как явление русской культуры // Культурологические исследования в Сибири. 2005. № 1 (15). С. 64–73. URL: <http://sfrik.omsu.ru/page.php?id=410> (дата обращения: 22.08.2024).
12. Ядринцев Н.М. Калмычка. URL: <https://поэтысибири.рф/index.php?r=поем%2Fпоем&id=162> (дата обращения: 22.08.2024).
13. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Ч. 1 : Население. Экономика. Барнаул, 2003. 360 с.
14. Наумов Н.И. Избранное. Томск, 2014. 432 с.
15. Потанин Г.Н. Избранное. Томск, 2014. 400 с.
16. Гнусова И.Ф. Специфика интерпретации универсальных концептов в прозе сибирских писателей XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 86. С. 157–183.
17. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь, 2000. 404 с. URL: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=8> (дата обращения: 22.08.2024)
18. Омудевский И.В. Шаг за шагом. Новосибирск, 1960. 444 с. (Библиотека сибирского романа. Т. 7) URL: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_1870_shag_za_shagom.shtml (дата обращения: 24.08.2024).
19. Островская Е.Р. Место рождения – Петропавловский порт (Иннокентий Васильевич Федоров-Омудевский) // «Камчатка разными народами обитаема...»: материалы XXIV Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2007. С. 136–144. URL: <https://goo.su/7VjaU8> (дата обращения: 22.08.2024).
20. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 ч. М., 1863–1866.
21. Город // Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/город> (дата обращения: 24.08.2024).
22. Омудевский И.В. Софья Бессонова // Федоров-Омудевский И.В. Проза и публицистика. М., 1986. URL: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_1883_sofia_bessonova.shtml (дата обращения: 24.08.2024).
23. Ордынский А.К. Привидение на заимке. URL: <https://поэтысибири.рф/index.php?r=поем%2Fпоем&id=257> (дата обращения: 24.08.2024).
24. Смольянинов А.В. Метатекстовые признаки сборника «Сибирские рассказы» и его место в становлении литературного процесса региона второй половины XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 53–64.
25. Приканский А. Борода и кринолин. URL: <http://siberia.gabbe.ru/data/documents/25.Boroda-i-krinolin.docx> (дата обращения: 24.08.2024).
26. Поникаровский Д.А. Корреспонденции из газет. Мариинск и Мариинский округ // Поникаровский Д.А. Сочинения по истории земли Кузнецкой. Кемерово, 2011. 272 с.
27. Черепанов С.И. Сибирячка. URL: <https://поэтысибири.рф/index.php?r=поем%2Fпоем&id=182> (дата обращения: 24.08.2024).
28. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / автор-сост. В. Андреева. М., 2001. 576 с.
29. Наумов Н.И. Собрание сочинений : в 3 т. Новосибирск, 1939–1940.
30. Кривонос В.Ш. Гоголь: Проблемы творчества и интерпретации. М., 2020. 430 с.
31. Омудевский И.В. Попытка – не шутка // Федоров-Омудевский И.В. Проза и публицистика. М., 1986. URL: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_01873_popytka.shtml (дата обращения: 25.08.2024).

32. Потанин Г.Н. Рассказы // Начало века. 2020. № 3. URL: <https://журнальныймир.рф/content/rassказы-215> (дата обращения: 25.08.2024).
33. Загоскин М.В. Яблоня и яблочко. URL: <https://поэтысибири.рф/index.php?r=роем%2Fроем&id=297> (дата обращения: 25.08.2024).
34. Омудевский И.В. Рассказы в осенние вечера. URL: http://az.lib.ru/o/omulevskij_i_w/text_1883_rassказы_oldorfo.shtml (дата обращения: 25.08.2024).
35. Ядринцев Н.М. Поездка по Западной Сибири и в горный Алтайский округ // Записки Зап.-Сиб. отделения Имп. Русского геогр. общества. Кн. 2. Омск, 1880. С. 1–147.
36. Ядринцев Н.М. Раскольничьи общины на границе Китая // Сибирский сборник. 1886. Кн. 1. СПб., 1886. С. 21–47.
37. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск, 2005. 304 с.

References

1. Lotman, Yu.M. (1992) *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected Articles: in 3 vols]. Vol. 2. Tallin: Aleksandra. pp. 9–21.
2. Toporov, V.N. (2003) *Peterburgskiy tekst russkoy literatury. Izbrannye trudy* [St. Petersburg Text of Russian Literature. Selected Works]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB.
3. Mednis, N.E. (2003) *Sverkhsteksty v russkoy literature* [Supertexts in Russian Literature]. Novosibirsk: NHPU. [Online] Available from: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=8> (Accessed: 21st August 2024).
4. Vasilieva, T.I., Karpicheva, N.L. & Tsurkan, V.V. (2019) *Antologiya khudozhestvennykh kontseptov russkoy literatury XX veka* [Anthology of Artistic Concepts of Russian Literature of the 20th Century]. Moscow: Flinta. [Online] Available from: <https://lit.wikireading.ru/hysSQu6HIP> (Accessed: 21st August 2024).
5. Stepanov, Yu.S. (2004) *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian Culture]. Moscow: YSC.
6. Belova, N.A. (2012) Kontsept “gorod” v sovremennom literaturovedenii [The Concept of “City” in Modern Literary Criticism]. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1(24). pp. 87–91.
7. Korotkova, N.V. (2009) Oformlenie dvukh modeley kontsepta “Provintsiya” v russkoy literature XVIII veka (na materiale prozy A. N. Radishcheva i N. M. Karamzina) [The Formulation of Two Models of the Concept of “Province” in Russian Literature of the 18th Century (Based on the Prose of A.N. Radishchev and N.M. Karamzin)]. *Mir russkogo slova*. 4. pp. 22–32.
8. Burmistrova, T.A. (2013) Leksicheskaya oppozitsiya “gorod–derevnya”: leksikografi-cheskiy aspekt [Lexical opposition “city – village”: A lexicographic aspect]. *Mir russkogo slova*. 4. pp. 37–40.
9. Karasik, V.I. & Sternin, I.A. (eds) (2005) *Antologiya kontseptov: v 8 t.* [Anthology of concepts: in 8 vols]. Volgograd: [s.n.].
10. Goncharov, Yu.M. (2012) *Povsednevnyaya zhizn' gorozhan Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Everyday life of Siberian townspeople in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Barnaul: Azbuka.
11. Rezun, D.Ya. (2005) *Sibirskiy gorod XVII – pervoy poloviny XIX veka kak yavlenie russkoy kul'tury* [The Siberian city of the 17th – first half of the 19th century as a

phenomenon of Russian culture]. *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*. 1(15). pp. 64–73. [Online] Available from: <http://sfrik.omsu.ru/page.php?id=410> (Accessed: 22nd August 2024).

12. Yadrintsev, N.M. (n.d.) *Kalmychka* [The Kalmyk woman]. [Online] Available from: <https://poetysibiri.rf/index.php?r=poem%2Fpoem&id=162> (Accessed: 22nd August 2024).

13. Skubnevskiy, V.A. & Goncharov, Yu.M. (2003) *Goroda Zapadnoy Sibiri vo vtoroy po-lovine XIX – nachale XX v.* [Cities in Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Vol. 1. Barnaul: Kolmogorov I.A.

14. Naumov, N.I. (2014) *Izbrannoe* [Selected Works]. Tomsk: Tomsk Writers' Organization.

15. Potanin, G.N. (2014) *Izbrannoe* [Selected Works]. Tomsk: Tomsk Writers' Organization.

16. Gnyusova, I.F. (2023) Specificity of interpretation of universal concepts in the prose of Siberian writers of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 86. pp. 157–183. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/86/9

17. Abashev, V.V. (2000) *Perm' kak tekst* [Perm as a Text]. Perm: [s.n.]. [Online] Available from: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=8> (Accessed: 22nd August 2024).

18. Omulevskiy, I.V. (1960) *Shag za shagom* [Step by Step]. Novosibirsk: [s.n.]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/o/omulevskij_i_w/text_1870_shag_za_shagom.shtml (Accessed: 24th August 2024).

19. Ostrovskaya, E.R. (2007) Mesto rozhdeniya – Petropavlovskiy port (Innokentiy Vasil'evich Fedorov-Omulevskiy) [The place of birth – the port of Petropavlovsk (Innokentiy Vasil'evich Fedorov-Omulevskiy)]. “*Kamchatka raznymi narodami obitaema...*” [“Kamchatka is inhabited by different peoples...”]. Proc. of the 24th Krashennnikov Readings. Petropavlovsk-Kamchatskiy. pp. 136–144. [Online] Available from: <https://goo.su/7BjaU8> (Accessed: 22nd August 2024).

20. Dal, V.I. (1863–1866) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 ch.* [Explanatory dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols]. Moscow: [s.n.].

21. Kuznetsova, S.A. (ed.) (n.d.) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. [Online] Available from: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/gorod> (Accessed: 24th August 2024).

22. Fedorov-Omulevskiy, I.V. (1986a) *Proza i publiitsistika* [Prose and Journalism]. Moscow: Sovetskaya Rossiya. [Online] Available from: http://az.lib.ru/o/omulevskij_i_w/text_1883_sofia_bessonova.shtml (Accessed: 24th August 2024).

23. Ordynskiy, A.K. (n.d.) *Prividenie na zaimke* [A Ghost on the Farmstead]. [Online] Available from: <https://poetysibiri.rf/index.php?r=poem%2Fpoem&id=257> (Accessed: 24th August 2024).

24. Smolianinov, A.V. (2022) Metatextual features of the collection Siberian Stories and its place in the formation of the literary process of the region in the second half of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 485. pp. 53–64. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/485/6

25. Prikanskiy, A. (n.d.) *Boroda i krinolin* [Beard and Crinoline]. [Online] Available from: <http://siberia.gabbe.ru/data/documents/25.Boroda-i-krinolin.docx> (Accessed: 24th August 2024).

26. Ponikarovskiy, D.A. (2011) *Sochineniya po istorii zemli Kuznetskoy* [Works on the History of the Kuznetsk Land]. Kemerovo: INT.

27. Cherepanov, S.I. (n.d.) *Sibiryachka* [The Siberian Woman]. [Online] Available from: <https://poetysibiri.rf/index.php?r=poem%2Fpoem&id=182> (Accessed: 24th August 2024).

28. Andreeva, V. et al. (2001) *Entsiklopediya simbolov, znakov, emblem* [Encyclopedia of Symbols, Signs, Emblems]. Moscow: AST.

29. Naumov, N.I. (1939–1940) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected Works: in 3 volumes]. Novosibirsk: Novosibirskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo.

30. Krivonos, V.Sh. (2020) *Gogol': Problemy tvorchestva i interpretatsii* [Gogol: Problems of Creativity and Interpretation]. Moscow: Flinta.

31. Fedorov-Omulevskiy, I.V. (1986b) *Proza i publiitsistika* [Prose and Journalism]. Moscow: Sovetskaya Rossiya. [Online] Available from: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_01873_popytka.shtml (Accessed: 25th August 2024).

32. Potanin, G.N. (2020) Rasskazy [Stories]. *Nachalo veka*. 3. [Online] Available from: <https://zhurnal'nyimir.rf/content/rasskazy-215> (Accessed: 25th August 2024).

33. Zagoskin, M.V. (n.d.) *Yablonya i yablochko* [An apple tree and an apple]. [Online] Available from: <https://poetysibiri.rf/index.php?r=poem%2Fpoem&id=297> (Accessed: 25th August 2024).

34. Omulevskiy, I.V. (n.d.) *Rasskazy v osennie vechera* [Stories on autumn evenings]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/o/omulewskij_i_w/text_1883_rasskazy_olderfo.shtml (Accessed: 25th August 2024).

35. Yadrintsev, N.M. (1880) Poezdka po Zapadnoy Sibiri i v gornyy Altayskiy okrug [A Trip to Western Siberia and the Altai Mountain District]. *Zapiski Zap.-Sib. otdeleniya Imp. Russkogo geogr. obshchestva*. 2. pp. 1–147.

36. Yadrintsev, N.M. (1886) Raskol'nich'i obshchiny na granitse Kitaya [Schismatic communities on the Chinese border]. In: Yadrintsev, N.M. (ed.) *Sibirskiy sbornik* [Siberian Collection]. Vol. 1. St. Petersburg: [s.n.], pp. 21–47.

37. Anisimov, K.V. (2005) *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX veka: osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of the poetics of Siberian literature in the 19th – early 20th centuries: The formation and development of the regional literary tradition]. Philology Dr. Diss. Tomsk.

Информация об авторе:

Гнюсова И.Ф. – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: irbor2004@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.F. Gnyusova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irbor2004@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.09.2024;
одобрена после рецензирования 05.10.2024; принята к публикации 31.10.2024*

*The article was submitted 25.09.2024;
approved after reviewing 05.10.2024; accepted for publication 31.10.2024*